

ЗАВЕСА ЛЖИ
и
ИСТИННАЯ
ЛЮБОВЬ

—♦— ДИАНА Т. —♦—

Диана Т

Завеса лжи и истинная любовь

«Автор»

2026

Т Д.

Завеса лжи и истинная любовь / Д. Т — «Автор», 2026

Лекс Вейл — Бета Лунной стаи и лучший друг Альфы. Его преданность не знает границ. Молли — сильная волчица, вынужденная подчиниться воле отца и выйти замуж за Альфу. Она изображает любовь, которой нет. Её истинный — Лекс, но он не видит её, не знает о её многолетней, безответной любви. Ей приходится носить маску холодной стервы, скрывая под ней страсть и боль. Но однажды правда вырвется наружу. И тогда им обоим придётся решить, что важнее: гордость или любовь. Смогут ли они прорваться сквозь завесу лжи и обрести истинную любовь?

© Т Д., 2026

© Автор, 2026

Диана Т

Завеса лжи и истинная любовь

Пролог

Молли

Лес всегда был моим убежищем. Единственным местом, где я могла дышать полной грудью, не оглядываясь на отцовские амбиции, не взвешивая каждое слово, каждый жест. Здесь, среди вековых сосен, моя волчица просыпалась по-настоящему — не как зверь, запертый в клетке приличий, а как свободное, дикое существо.

Мне было шестнадцать, когда всё изменилось.

Я помню тот день с фотографической точностью, будто он выжжен на внутренней стороне век. Я шла по знакомой тропе, той, что вела к старому дубу — моему дубу, как я его называла.

Я не ждала ничего. Я вообще тогда мало чего ждала от жизни. Дочь, будущая разменная монета в политических играх отца — вот и вся моя судьба, расписанная наперёд. Но лес дарил мне иллюзию свободы, и я жадно впитывала её, как сухая земля впитывает дождь.

А потом воздух изменился.

Это случилось мгновенно. Один вдох — и мир перевернулся. Аромат, который ударил в ноздри, не был похож ни на что из того, что я знала раньше. Он был опьяняющим. В нём смешались мускус, горький шоколад, и что-то ещё от чего моя волчица внутри взревела с такой силой, что я пошатнулась.

Она не просто проснулась. Она вскочила на лапы, вскинула морду к небу и завывала — торжествующе, ликующе, требовательно. «Истинный. Наш. Найди его. Сейчас же».

Моё сердце забилося где-то в горле. Ладони вспотели. Я прижалась спиной к шершавому стволу сосны и замерла, пытаясь унять дрожь в коленях. Истинный? Мой истинный? Здесь, в лесу? Это казалось невозможным. Это казалось чудом. Или проклятием.

Я неслышно ступала по ковру из опавших листьев, следуя за зовом, который становился всё громче, всё настойчивее. Моя волчица рвалась вперёд, и мне стоило невероятных усилий сдерживать её. С каждой минутой аромат становился плотнее, окутывая меня.

И вот, среди деревьев, на поляне, я увидела его.

Лекс.

Он стоял ко мне вполоборота, не замечая моего присутствия. Высокий, широкоплечий, с тёмными волосами, в которых запутались солнечные лучи. Его рука лежала на стволе дерева, мышцы предплечья перекачивались под загорелой кожей. Он был... совершенен. Как хищник, застывший в моменте абсолютного покоя. Опасный. Прекрасный. Мой.

Моя волчица запрыгала, заскулила от счастья. «Это он! Смотри! Смотри же! Наш истинный! Подойди к нему! Коснись его!»

Но я не могла пошевелиться. Страх сковал меня ледяными цепями. Не тот страх, что заставляет бежать от опасности — нет. Страх перед необратимостью. Перед тем, что случится, если я сделаю этот шаг. Если я выйду из тени и посмотрю ему в глаза. Моя жизнь разделится на «до» и «после», и я интуитивно понимала — прежней она уже не будет никогда.

К тому же я знала, кто он. Лекс Вейл. Молодой волк, правая рука будущего Альфы Ларса Морриса. Его уже тогда называли будущим Бетой. Его уважали. Его боялись. И на него у моего отца были совсем другие планы — точнее, его вообще не было в планах отца.

А я... я уже тогда знала, что отец прочит меня в пару Ларсу. «Это укрепит нашу семью, Молли. Это твой долг». Эти слова вбили в меня, как гвозди в крышку гроба. Я была не дочерью. Я была инструментом. Пешкой на шахматной доске его амбиций.

И вот теперь судьба — или Луна — сыграла со мной злую шутку. Мой истинный — не Альфа. Мой истинный — его Бета. Тот, кого отец никогда не одобрит. Тот, кто стоит на ступень ниже в иерархии. Тот, кто разрушит все планы, все многолетние интриги одним своим существованием.

Лекс вдруг повернул голову, будто почувствовал что-то. Его ноздри дрогнули, втягивая воздух. Я отпрянула за дерево, прижалась спиной к коре, зажала рот ладонью. Сердце колотилось так громко, что, казалось, он услышит его за сотню метров. Меня трясло. От восторга. От ужаса. От осознания, что моя жизнь только что раскололась на две параллельные реальности — ту, где я выхожу к нему, и ту, где прячусь. И я выбрала вторую.

Через минуту он ушёл. Аромат ослаб, но не исчез — он поселился во мне, впитался в каждую клетку, стал частью меня. Моя волчица выла от тоски и обиды. Она не понимала, почему я не побежала за ним. Она не знала ничего о долге, о политике, об отцовских амбициях. Она знала только одно: наш истинный ушёл, а мы остались.

С того дня всё изменилось. Я больше не могла просто жить. Я должна была прятаться. Первым делом я пошла к Норе.

В каждой стае есть такая — ведьма, травница, хранительница тайных знаний. Нора жила на отшибе, в покосившемся домике, утопающем в зарослях диких трав. От неё пахло полынью, сушёными яблоками и чем-то древним, потусторонним. Она была стара — настолько, что никто в стае не помнил её молодой. Её глаза, выцветшие до бледной голубизны, видели больше, чем глаза обычных волков. Говорили, она могла разговаривать с духами леса. Говорили, она знала имя каждого волка, рождённого под полной луной за последние сто лет.

Я пришла к ней на закате. Сердце колотилось где-то в горле. Нора сидела на крыльце, перебирая пучки сушёной крапивы, и, казалось, совсем не удивилась моему визиту.

— Знаю, зачем пришла, — проскрипела она, не поднимая головы. — Чувствую его запах на тебе. Истинный. Но ты хочешь спрятать его. Спрятать себя.

Я молча кивнула. Слёзы жгли глаза, но я не позволяла им пролиться. Я уже тогда училась носить маску.

Нора долго смотрела на меня, и в её взгляде читалось что-то похожее на жалость.

— Это против природы, девочка. Против Луны. Ты понимаешь, на что себя обрекаешь?

— Понимаю.

— Твоя волчица будет страдать. Ты будешь страдать. Это зелье — не панацея. Оно скроет твой истинный запах, сделает его нейтральным, размытым. Но оно не заглушит связь. Ты будешь чувствовать его всегда. И он будет чувствовать... смутное эхо. Беспокойство. Тягу, которую не сможет объяснить.

— Я готова.

Она покачала головой, но спорить не стала. В её домике, пропитанном запахами сотен трав, она смешала для меня зелье. Тёмно-зелёная жидкость в маленьком флаконе из тёмного стекла. Три капли на язык каждое утро. И мой запах переставал быть запахом истинной. Он становился просто запахом волчицы — обычным, ничем не примечательным.

— Однажды ты пожалеешь об этом, — сказала Нора, вручая мне флакон. — Но тогда может быть поздно.

Она оказалась права. Я жалела. Каждый день. Каждую минуту.

Моя волчица страдала невыносимо. Особенно тяжело было, когда он находился рядом с другими самками. В такие моменты она сходила с ума от ревности, рвалась наружу, царапала меня изнутри когтями. Мне приходилось резко уходить, сбегать — из университета, с собраний стаи, с общих праздников. Обо мне поползли слухи. Говорили, что я нестабильна. Что у меня проблемы с контролем. Что я высокомерная и дикая.

Мне было всё равно. Я знала правду. Если бы я осталась, если бы дала волю своей волчице — я бы разнесла всё вокруг. Залила бы кровью любого, кто посмел приблизиться к нему.

Когда я видела Лекса — идущего по коридорам университета, смеющегося с друзьями, хмурящегося над бумагами — я умирала. Умирала медленно, мучительно, клетка за клеткой. Моя волчица сжималась в комок и скулила. Это была не просто душевная боль. Это была физическая агония, пронзающая насквозь, как ледяной клинок. Она кричала, требовала, чтобы я бросилась к нему, чтобы признала его своим, чтобы наконец обрела покой.

Но я не могла. Я была связана по рукам и ногам — обещаниями, долгом, страхом перед отцом. Ларс стал Альфой. Отец, как и планировал, протолкнул меня к нему. Мои протесты разбивались о его железную волю, как волны о скалы.

— Ты будешь женой Альфы, — отрезал он однажды, и в его голосе не было ни капли сомнения. — Это не обсуждается. Это твой долг перед семьёй. Перед стаей. Перед моим именем.

Я научилась носить маску. Научилась улыбаться, когда хочется выть. Научилась молчать, когда слова рвутся наружу. Научилась быть холодной, отстранённой, неприступной — потому что это был единственный способ держать Лекса на расстоянии. Если бы я позволила себе хоть каплю тепла, хоть искру настоящих эмоций — маска бы треснула. И он бы увидел. Понял. Почувствовал.

Но по ночам, в тишине своей комнаты, я позволяла себе плакать. Слёзы текли по щекам, впитывались в подушку, и я думала о той жизни, которая могла бы у меня быть. О той любви, которая была дарована Луной, но которую я сама отвергла — из страха, из долга, из трусости.

Иногда я представляла, как однажды всё закончится. Как я сброшу эти оковы, эту ложь, эту бесконечную игру. Как подойду к нему, посмотрю в глаза и скажу: «Ты — мой.».

Но это были лишь мечты. А реальность — реальность была холодной, как каменные плиты особняка, в котором я жила. Реальность требовала играть свою роль. И я играла. День за днём. Год за годом.

Пока моя волчица не начала иссякать от тоски. Пока судьба не решила, что с неё хватит.

Но это случится позже. А тогда, в шестнадцать, я просто стояла за деревом и смотрела, как он уходит. И даже не подозревала, что этот момент определит всю мою дальнейшую жизнь. Что однажды запах, который я так тщательно скрывала, вырвется наружу. И завеса лжи, которую я так старательно плела, рухнет.

Но до этого ещё нужно было дожить.

Глава 1

Молли

Перед тем как выйти из комнаты, я делаю то, что стало моим ежедневным ритуалом. Я достаю из ящика туалетного столика небольшой флакон тёмного стекла. Два нажатия и воздух наполняется терпким, древесным ароматом с нотками мускуса.

Запах Ларса.

Я замираю на мгновение, позволяя ему осесть на моей коже, на волосах, на одежде. Он обволакивает меня, как невидимый плащ. Для окружающих я пахну так, словно провела ночь в объятиях Альфы. Словно он пометил меня, заявил свои права. Словно я — его.

Это ложь. Полная, абсолютная, просчитанная до мелочей ложь. Но она работает. И это единственное, что имеет значение.

Я вспоминаю тот день, когда уже не впервые переступила порог дома Норы с этой просьбой. Мне было восемнадцать. За два года до этого я узнала, кто мой истинный, и я проживала в аду — прячась, убегая, задыхаясь от собственного запаха, который мог выдать меня в любую секунду. Зелье, скрывавшее мою истинную сущность, работало исправно. Но отец требовал большего. Он требовал, чтобы все видели во мне будущую пару Альфы. И для этого одного

скрытого запаха было мало. Нужен был запах Ларса на мне — явный, недвусмысленный, кричащий о нашей близости.

Нора встретила меня на пороге своего покосившегося домика.

— Пришла за новой ложью? — проскрипела она вместо приветствия.

Я сглотнула комок в горле. В её голосе мне почудилось осуждение. Или, может быть, жалость. Я не могла точно определить.

— Мне нужно средство. Чтобы проявить запах Ларса на мне.

Она долго смотрела на меня, не мигая. Её глаза — выцветшие, водянисто-голубые — казались двумя осколками зимнего неба.

— Ты уверена, что тебе это нужно, девочка?

— Да, уверена. Мне нужно, чтобы все думали, что у нас с ним серьёзные отношения.

— Все — это кто? Стая? Твой отец? Или ты пытаешься обмануть саму себя?

Я вздрогнула от её пронизательности, но не отвела взгляда.

— Это не твоя забота, Нора. Просто сделай то, о чём я прошу.

Она вздохнула. Тяжёлый воздух её жилища, пропитанный ароматами сотен трав — одни из них целебные, другие смертоносные, — обволакивал меня, проникал в лёгкие. Я чувствовала себя так, словно стою на границе двух миров — моего, полного лжи и притворства, и её, где магия и истина сплетались в единое целое.

Нора повернулась к своему рабочему столу — грубой деревянной плите, заставленной склянками, пучками сушёных растений и амулетами. Её руки двигались с неожиданной ловкостью, отмеряя щепотки порошков, смешивая масла, нащёптывая заговоры.

— Ларс — Альфа. Его запах сильный, доминантный, с нотами мускуса и дуба, — бормотала она себе под нос. — Воссоздать такой непросто. Но возможно. Добавим сюда корень мандрагоры для убедительности. И каплю лунной росы для иллюзии близости. Ты понимаешь, что это будет лишь имитация? Что настоящей связи между вами это не создаст?

— Понимаю.

— А он? Он будет чувствовать этот запах на тебе и думать, что вы... — она не договорила, но её бровь изогнулась в красноречивом намёке.

— Он не будет. Я позабочусь об этом.

Ларс был слишком занят собой, чтобы обращать внимание на такие мелочи. К тому же я знала — если он когда-нибудь спросит, я всегда смогу сослаться на то, что Нора создала аромат для «укрепления нашего союза». Официальная версия звучала убедительно. Правда — нет.

Нора протянула мне флакон. Тёмное стекло, тяжёлое, холодное.

— Вот. Брызгай раз в сутки, этого хватит. Запах будет держаться двадцать четыре часа. Но помни, Молли, — она наклонилась ко мне, и её голос упал до шёпота, — магия — это не игрушка. Каждая ложь, подкреплённая чарами, оставляет след. На твоей душе. На твоей судьбе. Однажды ты можешь запутаться в собственной паутине.

Я взяла флакон, чувствуя, как его вес оттягивает ладонь. Словно он был наполнен не жидкостью, а всей тяжестью моих решений.

— Спасибо, Нора.

— Не благодари, — она отвернулась. — Ты ещё проклянёшь меня за это. Или себя. Что более вероятно.

Я вышла, и холодный лесной воздух ударил в лицо, отрезвляя. Флакон жёг кожу даже сквозь одежду. Но я сжимала его крепко.

С тех пор прошло много лет. Я возвращалась к Норе регулярно — раз в два месяца, как по расписанию. Каждый раз она смотрела на меня с тем же молчаливым укором, но средство давала. И каждый раз я уходила с новым флаконом и старой болью.

Теперь, стоя перед зеркалом в своей комнате, я вдыхаю этот искусственный аромат. Когда-то он вызывал у меня отвращение — чужеродный, агрессивный, подавляющий. Теперь — ничего. Я привыкла.

Я смотрю на своё отражение. Длинные тёмные волосы волнами спадают на плечи. Кожа бледная — я слишком мало времени провожу на солнце в последние недели. Глаза — зелёные, глубокие — смотрят на меня с усталым вызовом. Я знаю, кто я на самом деле. Я знаю, что скрывается под этим слоем лжи. Но никто другой не знает. И не должен узнать.

Я поправляю воротник блузки, одёргиваю жакет. Идеальный образ. Идеальная маска. Идеальная будущая Луна — так называют пару Альфы в нашей стае. Меня тошнит от этого титула.

Утреннее солнце уже пробивается сквозь кроны деревьев, когда я выхожу из дома. Тропинка, усыпанная гравием, ведёт к главным воротам университета. Я иду быстро, не глядя по сторонам. Я давно научилась не замечать взглядов, которыми меня провожают. Косые, завистливые, осуждающие, любопытные — какая разница? Все они скользят по поверхности моей брони, не проникая внутрь.

Университет для оборотней — место особенное. Здесь учатся не только волки Лунной стаи, но и отпрыски других кланов со всей страны. Здесь заключаются союзы, плетутся интриги, решаются судьбы. Здесь каждый шаг — политика. Каждый взгляд — послание.

Я прохожу через высокие кованые ворота, и привычный шум студенческой жизни обрушивается на меня. Разговоры, смех, шелест страниц, стук каблучков. И запахи. Десятки, сотни запахов — волчьих, звериных, сильных.

И среди них — чужой. Резкий. Отвратительный.

Человеческий.

Я останавливаюсь посреди холла, и меня буквально оглушает. Человек? В университете для оборотней?

Две недели прошло с тех пор, как она появилась. Не просто человек — девушка. Хрупкая, с копной непослушных светлых волос и глазами, которые смотрели на окружающий её мир с пугающей наивностью. Эмили. Студентка по обмену, часть какой-то программы по «улучшению взаимоотношений между видами». Нам объяснили, что она будет не последней. Что скоро в наших стенах появятся и другие люди. Идея была встречена, мягко говоря, без энтузиазма. В глазах многих оборотней читалось недоверие, а то и откровенная враждебность. Люди были для нас чужаками. Слабыми. Хрупкими. Опасными в своей непредсказуемости.

Я, честно говоря, не придавала этому особого значения. Подумаешь, человек. Скорее всего, она не задержится здесь надолго — испугается, не выдержит, сбежит обратно в свой человеческий мирок. Я дала ей месяц, не больше.

Но Ларс... Ларс изменился с её появлением.

Сначала это были мелочи. Он стал задерживать взгляд на ней дольше обычного. Потом — чаще оказываться в тех же коридорах, на тех же лекциях. А потом начал буквально преследовать её. Открыто. Нагло. Не скрываясь.

Я наблюдала за этим со стороны. Сначала с лёгким недоумением. Что он в ней нашёл? Она не обладала ни силой, ни статусом, ни даже той хищной красотой, которая обычно привлекала оборотней. Она была... обычной. Серой мышкой, случайно забредшей в логово волков.

Потом недоумение сменилось раздражением. Ларс своим поведением подрывал всё, что я с таким трудом выстраивала годами. Мой статус. Мою репутацию. Мой авторитет. Оборотни стали косо на меня смотреть. Шептаться за спиной. Я слышала эти перешёптывания — обрывки фраз, обронённые вполголоса: «Альфа нашёл себе новую игрушку», «Молли, похоже, в пролёте», «Интересно, её отец знает?».

Это бесило меня. Не потому что я ревновала — к Ларсу я не испытывала ничего, кроме холодной, просчитанной терпимости. Но я не могла допустить, чтобы мои позиции пошатнулись из-за какой-то человеческой девчонки. Отец не простил бы мне такого провала.

Но самое странное было не это. Самое странное было в том, как Ларс смотрел на неё. Это не был просто мужской интерес. Не было вожделение альфы, увидевшего лёгкую добычу. В его глазах горело что-то другое. Что-то, похожее на одержимость. На голод. На зов.

Я не могла отделаться от ощущения, что упускаю что-то важное. Что-то связанное с этой девушкой. Что-то, что может изменить всё.

А потом Ларс перестал скрываться. Он начал открыто встречаться с Эмили, не обращая внимания ни на пересуды, ни на косые взгляды, ни на мой ледяной взгляд.

Я видела, как все оборотни стаи, университета ждали моей реакции. Моей истерики. Моей ревности.

Я улыбалась. Холодно. Спокойно. С достоинством, которое пристало будущей Луне.

— Я рада, что ты нашёл ту, кто делает тебя счастливым, Ларс, — сказала я громко, чтобы слышали все. — Надеюсь, она того стоит.

Если Ларс откажется от меня, отец будет в ярости. Он обвинит во всём меня — в том, что я недостаточно старалась, недостаточно была привлекательной, недостаточно цеплялась за свой шанс. И тогда он может решить, что я бесполезна. А бесполезных вещей Конрад Вульф не хранил.

Я смотрю на своё отражение в стеклянной витрине университетского холла. За моей спиной снуют студенты, шумят, смеются. Где-то там, в толпе, возможно, идёт Лекс. Мой истинный. Запах которого я мечтала бы носить на себе вместо этой фальшивой, искусственной воню.

Но он проходит мимо. Всегда проходит мимо. Его взгляд скользит по мне — холодный, равнодушный, — и не задерживается. Для него я — просто Молли, невеста его Альфы и лучшего друга. Женщина, которая носит запах Ларса и, значит, принадлежит ему.

Если бы он только знал правду.

Я поправляю волосы, вскидываю подбородок и иду на лекцию. Маска на месте. Запах на месте. Роль, которую я играю, всё ещё моя.

Но где-то глубоко внутри моя волчица воет от тоски. Она чувствует истинного — своего, единственного, — и не может понять, почему мы тратим нашу жизнь на этот фарс.

Прости меня, шепчу я ей мысленно. Прости, что я такая трусиха. Но я не знаю другого способа выжить.

Глава 2

Молли

Хватит наблюдать со стороны, хватит делать вид, что меня это не касается. Игрушка Ларса — эта человеческая девчонка Эмили — слишком долго оставалась для меня абстракцией. Фигурой, о которой шепчутся в коридорах, которую обсуждают за моей спиной, на которую бросает голодные взгляды мой жених. Я должна увидеть её вблизи. Должна понять, что в ней такого особенного.

Я следила за ней весь день. Она не замечала — люди вообще редко замечают оборотней, когда те не хотят быть замеченными. Она ходила по университету с видом потерянного котёнка, вздрагивала от резких звуков, жалась к стенам, когда мимо проходили группы волков. Жалкое зрелище. И Ларс променял меня на это?

Когда она скрылась за дверью женского туалета, я выждала ровно минуту. Ровно столько, сколько нужно, чтобы она расслабилась. Чтобы почувствовала себя в безопасности. А затем я вошла.

Она даже не услышала, как открылась дверь. Стояла у зеркала, копалась в своём рюкзаке. Я бесшумно скользнула к подоконнику и устроилась на нём, закинув ногу на ногу.

— Привет, Эмили.

Она вздрогнула так, словно её ударило током. Рюкзак выпал из рук, по кафельному полу рассыпались какие-то мелочи. Она медленно, словно преодолевая сопротивление воды, обернулась. Её голубые глаза расширились, когда она увидела меня.

Я не сводила с неё взгляда. Не просто изучала — вскрывала, как скальпелем. Её защиту, её жалкую попытку сохранить лицо, её дрожащие пальцы, которые она тут же спрятала в карманы толстовки. Я медленно втянула воздух. Её запах — слабый, цветочный, с примесью адреналина и страха — был почти невыносим. Не потому что он был плох. А потому что он был чужой. Человеческий. И с ним смешивался другой запах — запах Ларса. Едва заметный, но достаточный, чтобы моя волчица внутри презрительно фыркнула.

Эмили пыталась держать ответный взгляд. Пыталась казаться смелой. Но я видела, как она сжимается, превращаясь в маленький испуганный комочек.

— Ну и что ты молчишь? — мой голос прозвучал низко, с лёгкой, почти соблазнительной хрипотцой. Я знала этот эффект — он действовал на людей безотказно. — Рассказывай.

Она инстинктивно отшатнулась, подняв руку, словно могла отгородиться от меня. Смешной жест. Тонкая человеческая ладонь против волчицы — всё равно что бумажный щит против меча.

— Что рассказывать?

Голос у неё был тихий, испуганный. Она переминалась с ноги на ногу, не зная, куда деть руки, куда спрятать глаза.

Я подарила ей лёгкую, едва заметную улыбку.

— Какого это — трахаться с чужим женихом?

Я произнесла это абсолютно спокойно. Ровным тоном, каким говорят о погоде. В голосе не было ни злобы, ни истерики. Только холодная, смертоносная констатация факта. И именно это спокойствие, я знала, пугало её больше любого крика.

— Я не понимаю, о чём ты.

Глупая, детская, беспомощная отмазка. Её слова повисли в воздухе жалким лепетом. Я почти рассмеялась. Почти.

— Не ври, — я подалась вперёд, и подоконник подо мной скрипнул. — Твой пульс тебя выдаёт. Я слышу его отсюда. Сто сорок ударов в минуту, если не больше. Ты боишься, Эмили. Правильно боишься.

Я усмехнулась. Мои глаза медленно скользили по ней, изучая каждый сантиметр. Светлые волосы, собранные в небрежный пучок. Дешёвая толстовка. Джинсы. Ничего особенного. Ничего, что могло бы объяснить одержимость Ларса.

— Ты ездешь с ним, — продолжила я, и мой голос стал жёстче. — Ты проводишь с ним ночи в его особняке. Хочешь сказать, он тебя не трахает?

Я сделала шаг вперёд. Затем ещё один. Каблуки процокали по кафелю, и этот звук эхом разнёсся в пустом туалете. Её запах — дешёвые цветочные духи, смешанные с потом и страхом, — ударил в нос с новой силой. Она отпрянула назад, пока её спина не упёрлась в холодный кафель стены. Бежать было некуда. Она была в ловушке. Запертая в туалете с самым настоящим воплощением её кошмаров. С невестой мужчины, с которым она спала.

Я видела это всё. Каждую деталь. Страх, пляшущий в её глазах. Стыд, разлитый алым пятном по щекам и шее. Пальцы, судорожно царапающие стену в поисках опоры. Она была на грани. Ещё одно слово — и она сорвётся. И я чувствовала тёмное, жестокое удовлетворение от этого зрелища. Моя волчица внутри урчала от удовольствия. Вот она — та, из-за кого судачат о нашем разрыве. Жалкая, дрожащая, ничтожная.

Но странное дело — глядя на неё, я не чувствовала настоящей ненависти. Она была слишком мелкой мишенью для моей ярости.

— Трахаешься с ним — трахайся, — сказала я, выпрямляясь. Слова прозвучали устало, почти равнодушно. — Мне всё равно.

И это было правдой. Мне было всё равно, с кем спит Ларс. Но мне было не всё равно, что из-за этого рушится мой статус, моя репутация, моя защита. Мне было не всё равно, что Лекс смотрит на меня с ещё большим презрением, видя во мне «брошенную невесту».

Я уже собиралась уйти, когда почувствовала это. Присутствие. Знакомый запах, от которого моё сердце пропустило удар. Я обернулась, и мои губы искривились в горькой усмешке.

В дверном проёме, бледный как полотно, стоял Лекс.

Я даже не услышала, как открылась дверь. Вот что делает с моими инстинктами его близость — я теряю бдительность, теряю контроль, теряю себя. Его лицо было маской из ужаса и какого-то странного оцепенения. Он смотрел на Эмили — на её испуганное лицо, на её вжатую в стену фигуру, на меня, возвышающуюся над ней, — и в его глазах я читала приговор. Он уже всё решил. Уже повесил на меня ярлык.

Его пальцы судорожно сжимались и разжимались. Желваки ходили ходуном. Он был в ярости. В той самой холодной, сдерживаемой ярости.

Я медленно, с убийственным спокойствием, перевела взгляд с него на Эмили и обратно. Ни оправданий. Ни объяснений. Я не собиралась унижаться перед ним. Я плавно, как тень, скользнула мимо него в коридор, даже не задев плечом. Не удостоив его больше ни взглядом.

Внутри всё кипело. Моя волчица скулила, требуя вернуться. Но я шла вперёд.

Я не успела дойти до лестницы, когда его шаги нагнали меня. Тяжёлые, полные невысказанной ярости. Его рука сомкнулась на моём запястье — стальная хватка, от которой побелели костяшки. Он рванул меня, разворачивая к себе.

— Стой.

Я дёрнула рукой, пытаюсь вырваться. Бесполезно. Его пальцы сжались сильнее, словно тиски.

— Отпусти меня, Лекс.

Мой голос звучал ровно. Но внутри всё дрожало. Не от страха — от его близости. От его запаха, который окутал меня, проник под кожу, заставил мою волчицу замереть в блаженном оцепенении. Горький шоколад. Мускус. Осенний лес. Запах дома.

Я смотрела ему прямо в глаза. Его зрачки были расширены, в них плескалась буря эмоций, которую он пытался — и не мог — скрыть за маской гнева.

— Ты что творишь? Включила ревнивую невесту? — его голос был низким, рычащим, как у загнанного зверя. — Решила запугать человеческую девчонку? Показать своё превосходство?

— Я? Ничего, — я усмехнулась, но усмешка вышла горькой, кривой. — Просто женский разговор. Тебе ли не знать, как это бывает.

— Ты угрожала ей.

Не вопрос. Утверждение. Он давил, его хватка усилилась, и я почувствовала, как на запястье проступают синяки.

— Да ничего я ей не сделала! — я повысила голос, и это была ошибка. Эмоции прорвались сквозь маску. — Мы просто поговорили. Что ты так нервничаешь, Лекс? Неравнодушен? На человечину потянуло? Или, может, ты тоже хочешь попробовать то, что пробует твой Альфа?

Я была словами, целясь в самое больное. Потому что он ранил меня — каждый день, каждый час, каждым своим взглядом, направленным не на меня. Каждым своим равнодушием. Каждым своим молчанием.

Его лицо исказилось. На мгновение мне показалось, что он сейчас сорвётся — ударит, закричит, сделает что-то, что разрушит стену между нами. Но он только сильнее сжал челюсти.

— Что ты несёшь? — процедил он сквозь зубы. — Ларс всё равно узнает о твоём визите к ней. И если ты соврала... ты же знаешь, что за своё... он тебе это так не оставит.

— А тебе-то что? — я подалась вперёд, сокращая расстояние между нами до опасного минимума. Моё лицо оказалось в нескольких сантиметрах от его. Я видела каждую ресницу, каждую тень, залёгшую под его глазами. Я чувствовала его дыхание — горячее, прерывистое. — Ты же этого хочешь, правда? Чтобы меня наказали. Чтобы меня поставили на место.

Он замер. Что-то дрогнуло в его лице — какая-то трещина в броне, какую я никогда раньше не видела. Его пальцы на моём запястье ослабли.

Я воспользовалась этим. Рванула руку и высвободилась. Отступила на шаг. Потом ещё на один. Его взгляд прожигал меня насквозь, но я не позволила себе дрогнуть.

— Отвали от меня, Лекс, — сказала я тихо, но в каждом слове звенела сталь. — Следи за своим Альфой и его шлюхой. А меня оставь в покое.

Я повернулась и пошла вниз по лестнице. Каждый шаг давался с трудом, словно ноги налились свинцом. Моя волчица выла внутри, требуя вернуться. Требуя прижаться к нему и вдохнуть его запах — настоящий.

Я знала, что он смотрит мне вслед. Чувствовала его взгляд между лопаток — тяжёлый, обжигающий. И где-то глубоко внутри, под слоями боли и гордости, теплилась крошечная, глупая надежда.

Может быть, сегодня он впервые увидел во мне не просто холодную стерву. Может быть, сегодня он впервые задумался — а что на самом деле скрывается за этой маской?

Но я не обернулась. Не могла. Если бы я увидела его лицо — я бы сломалась. А ломаться мне нельзя. По крайней мере, не сейчас.

Лестница кончилась. Я толкнула тяжёлую дверь и вышла во внутренний двор. Воздух был холодным и колючим, но я вдохнула его с жадностью. Он пах свободой. И одиночеством. Двумя вещами, которые стали моими постоянными спутниками.

Я остановилась у старого фонтана и опустилась на каменный бортик. Руки дрожали. Сердце колотилось. На запястье, там, где его пальцы сжимали мою кожу, расцветали багровые отметины. Я коснулась их — осторожно, почти нежно. Его метки. Единственное, что у меня было от него. Единственное доказательство, что он вообще замечает моё существование.

Где-то вдалеке завыл волк. Одинокий, тоскливый вой. Моя волчица отозвалась — тихо, почти беззвучно. Ей тоже было одиноко. Ей тоже было больно.

— Ничего, — прошептала я, поглаживая синяки на запястье. — Мы справимся.

Если бы он только знал. Если бы он только мог почувствовать то, что чувствую я.

Но он не мог. И в этом была моя трагедия.

Глава 3

Молли

Воздух дрожит. Я чувствую это кожей, волчицей, каждым нервом. Он густой, спёртый, пропитанный невысказанным. Университетский коридор, ещё минуту назад полный привычного гула, словно сжимается вокруг меня, оставляя только одну точку фокуса.

Лекс.

Мой Лекс.

Он стоит у окна, и солнечный свет падает на его лицо, очерчивая линию челюсти, которую я знаю лучше, чем свою собственную. Высокий, широкоплечий. Его тёмные волосы слегка взъерошены — как всегда, словно он только что провёл по ним ладонью. Мой истинный. Само совершенство. Сама боль.

И рядом с ним — другая.

Сердце пропускает удар. Потом ещё один. А потом начинает колотиться где-то в горле, мешая дышать, мешая думать. Эта самка. Из другой группы, кажется. Я даже не помню её имени — оно никогда не имело значения. Но сейчас она смеет касаться его. Её пальцы — длинные, с ярким маникюром — скользят по его предплечью. Она жмётся к нему всем телом, привстаёт на цыпочки и что-то шепчет ему на ухо. Её губы почти касаются его кожи. Её улыбка — самодовольная, торжествующая — направлена на него, но предназначена всем вокруг.

А он... он не отстраняется.

Вот что убивает меня. Не она — её я могла бы стереть в порошок одним движением. А он. Его равнодушная поза. Его лёгкая полуулыбка, с которой он принимает её внимание. То, как его рука на мгновение задерживается на её талии — вежливо, не более, но достаточно, чтобы моя волчица внутри взвыла.

Она взрывается.

Это не просто гнев. Это даже не ярость. Это первобытная, всепоглощающая жажда разрушения. Моя волчица бьётся о рёбра, как обезумевшая птица о прутья клетки. Она рычит — низко, утробно, — и этот рык вибрирует во мне, поднимается к горлу, требует выхода. Она скребёт когтями по моей душе, оставляя кровавые борозды.

«Смотри! Смотри, как она касается НАШЕГО! Убей её! Разорви! Покажи ей, кто здесь истинная!»

Я стискиваю зубы так, что челюсть сводит. Ногти впиваются в ладони — я чувствую, как кожа лопается, как тёплая кровь собирается в кулаке. Боль помогает. Немного. Достаточно, чтобы не броситься вперёд прямо сейчас, на глазах у всех.

Самка наконец уходит, покачивая бёдрами, оставляя за собой шлейф дешёвого парфюма. Он ударяет мне в нос, смешиваясь с запахом Лекса, и от этого сочетания меня мутит. Лекс

проводит её взглядом — равнодушным, скучающим, — а потом поворачивается. Его глаза находят меня.

На мгновение в них мелькает что-то. Удивление? Любопытство? Он словно чувствует что-то — может, эхо моей ярости, может, вибрацию истинной связи, которую я так старательно прячу. Но это длится лишь секунду. Затем его лицо снова становится маской. Холодной. Вежливой. Отстранённой.

Он кивает мне — коротко, почти незаметно. Как кивают знакомой, не заслуживающей большего внимания. И уходит в другую сторону.

Оставляя меня одну.

Одну с бушующей внутри стихией.

Я разворачиваюсь и иду прочь. Мои шаги быстры, резки. Лицо — спокойное. Но внутри... Внутри ад.

Моя волчица не унимается. Она бьётся, рвётся, требует. Она хочет крови. Хочет видеть ту самку распластанной на полу. Хочет, чтобы я отомстила — немедленно, жестоко, беспощадно.

Я почти теряю контроль. Чувствую, как мышцы напрягаются, как по позвоночнику пробежит волна трансформации. Шерсть, готовая пробиться сквозь кожу. Клыки, удлиняющиеся во рту. Глаза, загорающиеся золотым. Я готова обернуться прямо здесь, в университетском коридоре, и броситься в погоню. Представляю, как мои челюсти смыкаются на её горле. Как хрустят позвонки. Как её кровь течёт по моему подбородку. Как моя волчица наконец обретает покой, утолив жажду мести.

Нет.

Я не могу. Не здесь. Не так.

Я почти выбегаю из здания. Свежий воздух ударяет в лицо, но не приносит облегчения. Я направляюсь к лесу — моему единственному убежищу, единственному месту, где я могу быть собой. Шаг ускоряется. Ещё. Ещё. Я срываюсь на бег.

Деревья мелькают по сторонам. Ветки хлещут по лицу, но я не чувствую боли — только гнев. Лёгкие горят, мышцы ноют, адреналин пульсирует в висках. Я бегу, бегу, бегу, пока не оказываюсь глубоко в чаще, где меня никто не увидит и не услышит.

Поляна. Моя поляна. Старый дуб, ручей. Я останавливаюсь, хватаю ртом воздух. Трансформация происходит сама собой — я падаю на четвереньки, и моё тело меняется, выгибается, перестраивается. Волчица вырывается на свободу.

Она мечется по поляне, роет землю когтями, воет. Её вой — протяжный, тоскливый — разносится по лесу, распугивая птиц. Я позволяю ей это. Позволяю ей выплеснуть то, что копилось годами. Всю боль. Всю ревность. Всю безнадёжную, бесконечную любовь, которую я не могу показать.

Через час — или два? я теряю счёт времени — она успокаивается. Я принимаю человеческий облик и сажусь на траву, обнимаю колени. Я голая, но мне всё равно. Холодно, но я не замечаю. Слёзы текут по щекам — беззвучно, без рыданий.

Я плачу от боли. От боли, которую причиняет мне Лекс, даже не подозревая об этом. От боли, которую я причиняю себе сама, продолжая этот бесконечный фарс. Моя волчица больше не рычит. Она шепчет. Шепчет о силе. О праве. Об истинной связи, которую нельзя разорвать.

Она знает, что я сильнее. Она знает, что связь с Лексом глубже, чем что-либо, что может предложить ему любая другая самка. Глубже, чем его долг перед Альфой, глубже, чем его предрассудки, глубже, чем моя ложь. Но он не знает. И пока он не знает — мы будем страдать.

Я поднимаюсь. Пора возвращаться. Волчица больше не просит. Она требует. И я знаю, что больше не смогу ей отказать.

Я нахожу её быстро. У моей волчицы отличный нюх, а запах той самки — резкий, синтетический — вьелся в мои ноздри ещё там, в коридоре. Она идёт одна по тропинке на окраине территории стаи. Расслабленная. Уверенная в своей безнаказанности. Даже не подозревает, что за ней наблюдают.

Я выхожу из тени.

Она вздрагивает, её глаза расширяются. Узнавание. Паника. Всё это мелькает в её взгляде за долю секунды.

— Ты... — её голос дрожит.

Я не отвечаю. Я просто смотрю на неё. Моя волчица внутри рычит — низко, угрожающе, и я знаю, что этот звук эхом отдаётся в моём взгляде.

— Что тебе нужно? — она делает шаг назад, пытается казаться смелой, но её выдаёт дрожь в коленях.

— Ты касалась его, — говорю я. Мой голос звучит неестественно спокойно. — Ты думала, что можешь просто так взять то, что принадлежит мне?

— Он не твой! — выкрикивает она, и в её голосе звенит истерика. — Он встречается с человеком! Вся стая смеётся над тобой! Альфа променял свою невесту на человеческую девку, а ты ничего не можешь с этим сделать! Ты — посмешище, Молли!

Моя волчица взрывается.

Я больше не сдерживаюсь. Бросок вперёд — стремительный, хищный. Она кричит, но её крик тонет в моём рыке. Я вцепляюсь в неё, и мир сужается до одного — до вкуса крови на моём языке, до хруста ткани под когтями, до её воя, полного боли и ужаса. Мои клыки впиваются в её плечо — глубоко, до кости. Она пытается отбиться, но её удары жалки, как комариные укусы. Я чувствую, как её тело слабеет, как страх вытесняет из неё остатки гонора.

Я разжимаю челюсти. Хватаю её за волосы, притягиваю её лицо к своему. Из моего рта ещё капает её кровь.

— Ещё раз подойдёшь к нему — и я не остановлюсь. Ты поняла?

Она судорожно кивает, давясь рыданиями. Я отталкиваю её. Она падает на землю — жалкая, растерзанная, испуганная. Одежда порвана, плечо представляет собой кровавое месиво. Она смотрит на меня снизу вверх, и в её глазах плещется ненависть пополам со страхом.

— Ты пожалеешь об этом, — шипит она сквозь зубы.

Я усмехаюсь. Усмешка выходит кривой, горькой.

— Я уже жалею. Жалею, что не разорвала тебя на части.

Я поворачиваюсь и ухожу, не оборачиваясь. Моя волчица урчит от удовольствия. Она получила то, что хотела. Кровь. Месть. Доказательство того, что мы не слабые, не жертвы, не посмешище.

Идиотка решила, что это из-за Ларса я так расстаралась. Пусть. Пусть все думают, что я ревную к Альфе. Пусть считают меня уязвлённой невестой, которая не смогла сдержать гнев. Это лучше, чем правда.

Правда опаснее.

Я стою у окна своей комнаты. За окном — ночь. Лунный свет заливает лес серебром, и где-то там, среди деревьев, воет одинокий волк. Может быть, Лекс. Может быть, нет. Я уже не различаю — моя душа слишком устала.

Вся стая уже знает. Слухи разлетаются быстрее ветра. Молли Вульф напала на соперницу. Молли Вульф показала зубы. Молли Вульф ревнует Альфу к человечке. Шепотки за спиной, косые взгляды, понимающие ухмылки. Пусть. Это именно то, что мне нужно. Пусть думают, что причина — Ларс.

Но Лекс... Лекс смотрит на меня иначе. Его взгляд, обычно скользящий мимо, теперь задерживается. В нём — непонимание. Вопрос. Что-то ещё, чему я не могу дать названия. Он словно пытается разгадать головоломку, но у него не хватает кусочков.

Я отхожу от окна и ложусь в холодную постель. Закрываю глаза, но перед внутренним взором стоит не лицо той самки, не её кровь, не её страх. Передо мной — лицо Лекса. Его глаза, которые смотрели на меня сегодня в коридоре. Его губы, которые она едва не коснулась.

Моя волчица спит. Она защитила то, что принадлежит нам.

Но я знаю — это только начало. Завеса лжи, которую я ткала годами, начинает трещать по швам. И однажды она рухнет.

Я только надеюсь, что когда этот день настанет, я не останусь одна среди обломков.

Глава 4

Молли

Утро началось не с рассвета. Оно началось с тяжелого стука в дверь — три удара, резких, не терпящих возражений. Я знала этот стук. Он преследовал меня с детства, как барабанная дробь перед казнью.

Отец.

Я села в постели, отбрасывая спутанные волосы с лица. За окном едва брезжил серый, пасмурный свет. Значит, что-то случилось. Конрад Вульф никогда не приходил просто так. Каждый его визит был продиктован расчетом, политикой или гневом.

— Открой, Молли. Я знаю, что ты не спишь.

Его голос звучал глухо сквозь толстую дубовую дверь, но я уловила нотки. Опасные нотки. Так он говорил перед тем, как объявить о моей помолвке. Перед тем, как сообщить, что моя жизнь больше не принадлежит мне.

Я накинула халат — шелковый, цвета слоновой кости, щелчок замка. Дверь распахнулась.

Конрад Вульф стоял на пороге, заполняя собой весь дверной проем. Высокий, широкоплечий, с проседью в темных волосах и глазами — моими глазами, только на два оттенка темнее и в тысячу раз холоднее. От него пахло дорогим табаком и властью.

Он не ждал приглашения. Он просто вошел, отодвинув меня плечом, и остановился посреди комнаты. Его взгляд скользнул по смятой постели, по раскрытой книге на прикроватном столике, по моему бледному отражению в зеркале. Инспекция. Оценка. Я была не дочерью — я была активом, который он проверял на предмет износа.

— У нас проблема, — сказал он, не оборачиваясь ко мне.

Я закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Руки скрестила на груди. Маска уже была на месте.

— Доброе утро, отец. Я тоже рада тебя видеть.

Он резко развернулся. Его глаза метнули молнии.

— Брось этот тон. Дело серьезное.

— Что случилось?

— Ларс.

— Что с ним? — мой голос был ровным.

— С ним — человеческая девка, — Конрад процедил это сквозь зубы, словно само упоминание оставляло грязь у него на языке. — Эмили. Слышала о такой?

Я медленно кивнула.

— Слышала.

— И молчала?

Он шагнул ко мне. Его тень накрыла меня, как надгробная плита. Я не шелохнулась. Я давно научилась не показывать страх перед ним. Страх — это кровь в воде. Отец чуял его за милю и использовал безжалостно.

— Когда ты узнала? — его голос понизился до опасного шепота.

— Вчера. Я говорила с ней. — Я врала.

— Говорила? — он вскинул бровь. — И что же ты ей сказала?

— Правду. Что мне всё равно, спит она с Ларсом или нет.

Зря. Я поняла это в ту же секунду, как слова сорвались с губ. Его лицо окаменело. Скулы заострились, желваки заходили ходуном.

— Тебе всё равно? — он повторил это медленно, смакуя каждый слог, как приговор. — Тебе всё равно, что какая-то человеческая подстилка ставит под угрозу союз, который я выстраивал годами?

Я молчала. В висках стучало.

— Ты хоть понимаешь, что говоришь? — он начал расхаживать по комнате, руки за спиной, шаги тяжелые, размеренные. Тигр в клетке. — Альфа, который путается с человеком. Это удар по репутации. По моей репутации. По твоей.

— Моя репутация меня не волнует.

Он остановился. Медленно, очень медленно повернул голову в мою сторону.

— Что ты сказала?

Я подняла подбородок.

— Моя репутация. Меня. Не волнует.

Он рассмеялся. Коротко, сухо, как ломающаяся ветка.

— Ты думаешь, это смешно? Ты думаешь, я спрашиваю, что тебя волнует, а что нет? — он подошел вплотную. Его лицо оказалось в нескольких сантиметрах от моего. Я чувствовала

его дыхание — горячее, с примесью кофе и чего-то горького. — Ты — моя дочь. Ты — будущая жена Альфы. И ты будешь делать то, что нужно для этой семьи. Ты меня поняла?

— Что именно ты хочешь, чтобы я сделала? — спросила я, хотя уже знала ответ.

— Убери её.

Два слова. Простых. Четких. Как выстрел.

В комнате повисла тишина. Такая глубокая, что я слышала, как тикают часы на каминной полке. Как где-то за окном перекликаются птицы. Как мое собственное сердце пропускает удар за ударом.

— Убрать? — переспросила я, хотя прекрасно поняла, что он имел в виду.

— Не притворяйся глупее, чем ты есть, Молли. Ты — волчица. Сильная, умная, хитрая. Сделай так, чтобы она исчезла. Деньги, угрозы, несчастный случай — мне всё равно. Главное — результат.

Он говорил об этом так буднично. Как о неприятной, но необходимой задаче. Человеческая жизнь для него была не дороже строчки в гроссбухе.

— Ты хочешь, чтобы я убила ее? — мой голос дрогнул.

— Я хочу, чтобы ты защитила свое будущее. Наше будущее. Эта девка — угроза, и ты знаешь это не хуже меня. Или тебе нравится быть посмешищем? Нравится, когда за твоей спиной шепчутся, что Альфа предпочел тебе обычную человечку?

Дело было не в шепоте за спиной. Дело было в том, что отец снова требовал от меня невозможного. Снова хотел испачкать мои руки в крови ради своих амбиций.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.